НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АБХАЗИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ:

государство, политика, экономика, общество

Сухум • 2013

Центр Гуманитарных программ

Мы предлагаем вашему вниманию серию сборников под общим названием «Некоторые аспекты человеческой безопасности». В них предлагаются материалы исследований, которые проводились в течение нескольких лет группой экспертов из различных общественных организаций. Целью исследований является изучение и анализ различных сфер жизни в Абхазии с точки зрения человеческой безопасности.

Мы надеемся, что наши рекомендации будут учтены различными политическими структурами при разработке мер по повышению уровня безопасности граждан посредством более широкого учета их интересов.

Данная публикация подготовлена и издана в рамках проекта «Продвижение инициатив по укреплению человеческой безопасности», осуществляемого в партнерстве с международной организацией International Alert (Лондон) при финансовой поддержке британского Фонда по предотвращению конфликтов (CPP).

© Алпха, 2013

Лиана КВАРЧЕЛИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Спустя 20 лет после обретения Абхазией независимости в абхазском обществе многие задаются вопросом о том, в чем же суть абхазского национального проекта, какие ценности лежат в его основе, и есть ли консенсус по поводу действующей модели развития Абхазии.

Казалось бы, наличие в целом демократической конституции, задающей основу и параметры для политического и социально-экономического развития республики, и является отражением национального консенсуса по поводу стратегии строительства абхазского государства. В этом смысле программы отдельных политических групп могли бы восприниматься как проявление тактических расхождений при сохранении общей стратегической цели – строительства независимой демократической Абхазии.

Однако опыт последних 20 лет показывает, что, если среди политической элиты и есть бесспорный консенсус, то он касается лишь вопроса независимости от Грузии. Конституция Абхазии с момента ее создания и по сегодняшний день была и продолжает оставаться для многих политиков и поддерживающих их групп не столько отражением ценностного (демократического) выбора, сколько данью политкорректности, необходимой для того, чтобы называться современным государством. Не отрицая в целом демократический выбор, разные группы в обществе по-разному интерпретируют основополагающие принципы, без которых невозможно создать эффективное демократическое государство, порой подменяя их общепринятое пониманиеизлишне «самобытными» представлениями.

Наблюдающийся «идеологический» разброд и несколько вольное обращение с нашей Конституцией в большой степени объясняются пережитками советского управленческого прошлого, живучестью советского менталитета, который в силу длительной изоляции Абхазии воспроизводится среди части молодого поколения. Интуитивное стремление к демократическим переменам часто опирается лишь на мифологизированные представления о традициях прямой демократии, выработанных абхазским народом на протяжении своей истории, но не на современный опыт и практики строительства демократического государства. Отсутствие опыта, а часто и политической воли, сказываются и на характере складывающихся экономических отношений в условиях формирующейся рыночной экономики.

Сегодня положение осложняется еще и тем, что конфликт с Грузией все еще не урегулирован. Международное сообщество продолжает воспринимать Абхазию с позиции двойных стандартов. Это не только блокирует расширение международной легитимации Абхазии в качестве независимого государства, но и ограничивает возможности для укрепления ее суверенитета, замедляет процесс ее демократической модернизации. Абхазия остается частично признанным государством, в значительной степени находящимся в зависимости от российской военной и экономической помощи.

В условиях, когда возможности для более или менее самостоятельного развития ограничены, требуется тщательно выверенная, сбалансированная внутренняя и внешняя политика. Однако именно в таких условиях заинтересованным политическим группам легче всего спекулировать на теме «особого» положения Абхазии и манипулировать общественными настроениями для достижения собственных целей. При этом суть проблем и вызовов, стоящих перед Абхазией, отодвигается на второй план.

Надеемся, что данная публикация будет воспринята как приглашение к предметному разговору на темы, связанные с различными аспектами государственного строительства в Абхазии. Авторы предлагают вопросы для общественных дискуссий по поводу проблем, решение которых, с их точки зрения, должно стать частью сегодняшней повестки дня.

В своей статье «**Государственное строительство в Абхазии и демократизация: особенности и тенденции**» Арда Инал-Ипа анализирует сложности и вызовы, с которыми сталкивается наше общество в процессе государственного строительства, и очерчивает задачи, без решения которых невозможно создать эффективное государство, отвечающее современным запросам общества.

Нателла Акаба в статье **«Проект «Абхазия»: политическая нация или сообщество меньшинств?»** размышляет на тему сложностей и возможностей для гражданской консолидации народа Абхазии и формирования на ее основе политической общности.

Внешнеполитическим вопросам посвящена статья Лианы Кварчелия **«Отношения Абхазии с внешним миром»**. Автор затрагивает вопросы, связанные с перспективами урегулирования грузино-абхазского конфликта, характером партнерства между Абхазией и Российской Федерацией, с взаимоотношениями Абхазии с западным миром и новой абхазской политикой в отношении международных организаций.

Молодой автор Инал Ардзинба в статье **«Социально-экономическая система Республики Абхазия и проблемы ее развития»** анализирует нынешнее экономическое положение Абхазии и предлагает собственное видение задач, стоящих перед абхазской переходной экономикой, и способов их решения. В статье предлагаются различные возможные сценарии социально-экономического развития страны и их последствия.

Арда ИНАЛ-ИПА

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Государственное строительство в Абхазии и демократизация: особенности и тенденции

Государственное строительство является сложным политическим процессом, опирающимся на особенности экономического, культурного, демографического положения в стране. В то же время, само государственное строительство может стать важнейшим механизмом демократизации общества, реформирования системы управления и экономики. Данная статья посвящена определению основных тенденций в процессе государственного строительства Абхазии, обозначению наиболее значимых внешних и внутренних факторов, задающих контекст этих изменений, а также выявлению проблем, стоящих на пути позитивных преобразований.

Особенности развития абхазского государства

Абхазия была уникальной в своем роде автономной республикой, которая долгие годы в условиях авторитарного государства боролась за выход из состава Грузинской ССР и за повышение своего политического статуса в составе Советского Союза. Протестные письма, сидячие забастовки, общественные собрания и митинги – вот неполный перечень незаконных в советское время методов национально-освободительной борьбы, за участие в которых тысячи абхазов расплачивались партийными билетами, несостоявшимися карьерами, а порой и лишением свободы. Тем не менее, в отличие от своих более

законопослушных и удачливых собратьев по социалистической родине, после развала СССР у Абхазии не было шанса спокойно и планомерно заняться своим государственным строительством. Когда конфликт с Тбилиси уже не сдерживался центром, начатая госсоветом Грузии война 1992-1993 гг. на годы задержала поступательный процесс формирования демократического государства. Задача трансформационного перехода от социалистического государства к демократическому была перекрыта проблемой выживания нации. В послевоенной ситуации не стоял вопрос о том, какое именно государство строится. Главное было сохранить народ, выжить, уйти от Грузии и выстоять в войне. Идея независимости – вот, что вдохновляло людей. Надежда на свободное развитие нового государства помогала жителям Абхазии, не покинувшим свою страну, преодолевать послевоенную разруху. Ни у власти, ни у общества не было возможности сосредоточиться на том, каким именно государством должна стать независимая Абхазия, какой должна быть ее идеология, на основе какого национального проекта должно происходить объединение нации. В общих чертах все казалось ясно – строится демократическое, правовое государство, что и было закреплено в Конституции Республики Абхазия. Все были уверены, что скоро придет время серьезно подумать над вопросами государственного строительства, определить национальные интересы и долгосрочные цели страны. Однако, сложное политическое положение и злободневные внутренние проблемы отодвигали решение этих вопросов на второй план.

Говоря же о самом процессе государственного строительства, следует обратить внимание на тот факт, что формирование независимого абхазского государства осложнялось тем, что происходило одновременно с переходом от командно-административной системы к демократии и рыночной экономике[1]. И весь

[1] Ираклий Хинтба. Государственное управление в Республике Абхазия: проблемы и некоторые пути их решения. В сб. Проблемы системы государственного управления в Абхазии. Сухум. 2010 г. С.4.

этот процесс развивался в условиях послевоенного выживания, экономических санкций и при постоянно существовавшей угрозе возобновления военных действий. Неудивительно, что в таких условиях факторы, осложняющие процесс государственного строительства РА составляют довольно внушительный список:

- Последствия грузино-абхазской войны 1992-93 гг. – разрушенная инфраструктура, криминальные вооруженные группы, стихийный захват имущества, оставленного грузинскими беженцами и представителями других этнических групп, незаконная приватизация государственных и коммерческих объектов, психологически травмированное население и т.п.
- Политические и экономические санкции, принятые странами СНГ против Абхазии.
- Неурегулированный конфликт с Грузией. Активная политика Грузии, направленная на подрыв суверенитета Абхазии, результатом которой стала практически полная изоляция Абхазии от прямых контактов со странами Запада и многими международными организациями не только в политической, но и в экономической и других сферах.
- Деятельность грузинских диверсионных отрядов на территории Гальского и других районов Абхазии.
- Наследие советской системы управления. Отсутствие опыта управления в условиях демократии и рыночной экономики.
- Сильная политическая и экономическая зависимость от России, до 2008 г. признававшей территориальную целостность Грузии.
- Нахождение в сфере соперничества между Россией и западными странами за доминирование в геополитически значимом регионе Южного Кавказа.
- Сложная демографическая ситуация, многоэтничность населения, преобладание этнического самосознания над общенациональным.

- Действующие традиционные и неформальные (неправовые) механизмы разрешения конфликтов и установления справедливости, нормы обычного права, осложняющие утверждение принципов правового демократического государства.
- Непризнание международным сообществом достижений Абхазии в области демократического строительства – многопартийность, демократические выборы, обеспечивающие мирную смену власти, активное гражданское общество, независимые СМИ и т.д.
- Игнорирование странами Запада запросов Абхазии на помощь в развитии демократических институтов и государственных структур.

Каков абхазский национальный проект?

К сожалению, в развитии абхазского государства остается немало стихийных и реактивных моментов. Многое из планов государственного строительства Абхазии основано на преодолении или отрицании той политики, которую проводила в отношении Абхазии либо царская Россия, либо социалистическая Грузия. Наибольшее влияние оказал проект «грузинизации» Абхазии, направленный на растворение этнической идентичности абхазов, который реализовывался на протяжении почти целого столетия. Получается, что в современной политике мы часто имеем дело с анти-грузинским, а не с собственным национальным проектом. Это означает, что во многом до сих пор вектор развития независимой Абхазии берет начало от грузинской угрозы, а не задается формированием своей собственной повестки дня, направленной в будущее и основанной на учете и анализе не только проблем прошлого, но и актуальных потребностей и вызовов сегодняшнего дня.

Определить, куда движется процесс государственного строительства Абхазии, какая модель государства реализуется, какой национальный проект актуален сегодня не так

просто. Отдельные документы, ориентированные на более или менее долгосрочную перспективу[1], выработанные стратегии развития в той или иной сфере (например, концепция социально-экономического развития Абхазии или предложения по реформированию судебной системы, подготовленные судебным сообществом и направленные в Парламент РА), а также программы политических партий, в целом представляют собой достаточно фрагментированный, порой противоречивый образ строящегося абхазского государства. В данном отношении большое значение имеют Послания президента Парламенту Республики Абхазия. В частности, недавно озвученное Послание президента А.З. Анкваб раскрывает планы правительства практически во всех областях функционирования государства.[2] Тем не менее, при всей важности информации, содержащейся в Посланиях президента Парламенту РА, эти документы не могут компенсировать отсутствие согласованной концепции национального развития с формулированием национальных интересов и приоритетных направлений в долгосрочном развитии страны. В первую очередь, в силу недостаточной системности или преемственности в содержании этих документов. В чем-то политика действующей власти продолжает линию предшествующей команды, а в каких-то направлениях эти линии существенно расходятся.

Так, например, если относительно международных отношений прослеживается ясная преемственность, то во внутренней политике звучат новые интонации, например, обратило на себя внимание отсутствие в тексте последнего Посла-

[1] Гезердава С., Шакрыл А. Судебная защита прав и свобод личности в Республике Абхазия: проблемные вопросы. Аналитический доклад. Сухум. 2008 г.

[2] Послание Президента Республики Абхазия А.З. Анкваба Народному Собранию – Парламенту Республики Абхазия о положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики в 2013 году. 25 Дек, 2012. http://apsnypress.info/news/7980.html

ния словосочетания «гражданское общество». Что касается политических программ различных партий, то они также не могут заменить общенационального проекта государственного строительства, поскольку отражают часто противоречащие друг другу представления той или иной части общества. Таким образом, можно сказать, что не только единого документа, но и единого представления о национальном абхазском проекте не существует. Тем не менее, при всех названных теоретических неопределенностях, реальный процесс государственного развития продолжается, принимаются и дорабатываются законы, создаются и укрепляются новые государственные и гражданские институты. В этом процессе некоторые очень важные принципы государственного строительства вырабатывались и корректировались стихийно, в сложном, порой доходящем до внутриполитического кризиса, взаимодействии власти и общества.

Примером может служить формирование института гражданства РА. Так, в 2009 г. парламентское обсуждение поправок к Закону о гражданстве, направленных на снятие ограничений в получении абхазского гражданства жителями Гальского района, вызвало общественные волнения, в результате которых вопрос был снят. Фактически этот конфликт обнажил существование в обществе взаимоисключающих представлений о том, кто должен быть носителем суверенитета РА. Для того, чтобы избегать подобных кризисов в будущем, необходимо достичь консенсуса относительно таких судьбоносных, краеугольных для национального проекта вопросов, как способы обеспечения национальной безопасности, вопросы этнического и гражданского равенства и принципы формирования нации. Трудно не согласиться с Э. Пшеу, автором опубликованной в 2012 г. статьи «Национальная идея Абхазии: выбор в процессе строительства государства», в которой с сожалением говорится, что:

«…процессы этнической консолидации и интеграции не являются частью большого государственного плана, а проходят как бы параллельно с государственной работой… до сих пор не выработана единая общенациональная концепция развития, которая в полной мере могла бы объединить все проживающие в Абхазии этнические и религиозные группы. Перманентная внешняя угроза может отступить, и в итоге мы можем оказаться в состоянии, когда непонятно – зачем всем нам жить вместе».[1]

Видимо, пришло время, когда острота проблемы этнического самосохранения снизилась, и задача консолидации общества вокруг новой национальной идеи, национального проекта, задающего основные параметры развития государства в будущем, выходит на первый план. Возвращаясь к вышеприведенному примеру с Гальским районом, следует отметить, что, несмотря на то, что четкого ответа на вопрос о принципах строительства нации до сих никто не артикулировал, продолжающийся процесс паспортизации грузинского населения этого приграничного района говорит об актуализации демократических принципов формирования нации.

Абхазская Конституция[2]

Таким образом, несмотря на отсутствие четких ориентиров, процесс развития государства, зависящий от многих объективных и субъективных обстоятельств, не останавливается ни на минуту. Даже если не был создан документ, в котором изложена концепция национального строительства государства, о фактически реализуемой модели можно судить по действующим законам и стратегиям развития в той или иной

[1] Э. Пшеу. «Национальная идея Абхазии: выбор в процессе строительства государства» (2012). http://abhaz-uzel.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3175:natsionalnaya-ideya-abkhazii-vybor-v-protsesse-stroitelstva-gosudarstva&catid=84&Itemid=487

[2] http://www.abkhaziagov.org/ru/state/sovereignty/

сфере жизнедеятельности государства. В данном контексте еще большее значение приобретает Конституция РА, в которой заложены основы демократического государства, провозглашением которого в 90-е годы XX столетия увенчалось абхазское национально-освободительное движение. При том, что Конституция РА утверждает основы демократического государства, в ней не могли не отразиться особые моменты, связанные с только что отгремевшей войной и сохраняющейся угрозой возобновления военных действий. Прежде всего, это – доминирование исполнительной власти, этническая обусловленность выдвижения в президенты, средоточие власти в руках президента, зависимое положение судебной власти, отсутствие таких важных составляющих, как статьи о Конституционном Суде и др.. Особенности системы власти, утвержденной в Конституции, проявляются в недостаточной сбалансированности трех ветвей власти, в недостаточности системы сдержек и противовесов и в отсутствии эффективных институтов защиты прав человека. Тем не менее, Конституция и сегодня является основным гарантом утверждения демократических основ государства. В трудные послевоенные годы неоднократно складывалась такая ситуация, когда предложениям, продиктованным сиюминутными проблемами, уводящим страну от демократического пути развития, противопоставляли именно статьи абхазской Конституции.[1]

[1] Само принятие Конституции 26 ноября 1994 г. проходило вопреки противодействию со стороны российских политиков, опасавшихся слишком большой самостоятельности Абхазии и оказывавших давление на высшее руководство страны. В таких сложных условиях Парламент РА взял всю ответственность за принятие основного закона страны на себя. Это говорит о достаточной самостоятельности законодательного органа в те годы, который мог выстраивать собственную политическую линию. К сожалению, в нынешних условиях подобная самостоятельность вряд ли была бы возможной, что свидетельствует о тенденции к сужению зоны ответственности законодателей.

Сложности процесса демократизации в Абхазии

Несмотря на существующий в обществе консенсус относительно демократического пути развития государства (во всяком случае, ни одна политическая сила в стране открыто не заявляет об обратном), в последнее время все чаще звучат сомнения и разочарования в демократии, как в том общественном строе, который отвечает современным запросам Абхазии. К сожалению, нередки случаи непонимания существа институтов демократии и демократических механизмов частью населения и некоторыми представителями власти, сохранившими устаревшие представления о функционировании государства, общества и их взаимодействии. Как оказалось, многие готовы были согласиться с фасадными демократическими преобразованиями, в реальности рассчитывая на более эффективный, с их точки зрения, авторитаризм и централизм.

К сожалению, процессы, происходящие в мире, также не всегда способствуют укреплению веры в незыблемость демократических принципов. Все это создает сложности на пути укрепления демократии в Абхазии и формирует ситуацию, в которой некоторые демократические принципы ставятся под вопрос.

Перечислим ряд характеристик внешнего контекста, которые осложняют процесс утверждения демократии в РА:

- Все больше стран переходят на демократический путь развития, но все чаще демократические процессы приводят к утверждению недемократических сил.
- Процесс укрепления вертикали власти во многих странах.
- Распространение национализма. Националистическая повестка дня в той или иной степени открыто провозглашается многими державами, в том числе такими крупными, как Китай и такими близкими, как Турция. В какой-то степени, это стало характерно и для России.

- Двойные стандарты в ведущих странах демократии (при противоречиях между демократическими принципами и государственными интересами, а также в ситуации политической конкуренции относительно сфер влияния чаще поступаются демократическими принципами).
- Отход от демократических стандартов в связи с террористической угрозой.
- Возрождение социалистических идей в постсоциалистических странах в связи с имущественным расслоением и социальным неравенством.

Перечисленные выше особенности внешнего контекста негативно влияют на общественное мнение в Абхазии относительно демократического строительства. При таких неблагоприятных внешних факторах и при неоднозначном отношении населения к процессу демократизации, имеющиеся достижения Абхазии в формировании достаточно действенных демократических институтов становятся еще более значимыми, тем более, что процесс демократизации проходил в отсутствии международной помощи, которая предоставлялась практически всем посткоммунистическим странам. Это еще раз свидетельствует о последовательности демократического курса в развитии абхазского государства.

Тенденции в процессе государственного строительства Республики Абхазия

Если постараться обобщить современные тенденции в государственном строительстве Абхазии, то нужно было бы назвать следующие процессы и явления – как позитивные:

- Появление в повестке дня государства (в планах Народного Собрания и в послании президента) принятия ряда законов, продвигающих процесс демократизации: Закона об уполномоченном по правам человека, Закона о местного самоуправлении, Закона о Конституционном суде и некоторые другие.

- Достижение консенсуса – от оппозиционных журналистов до президента – о необходимости принятия государственной антикоррупционной программы.

Так и негативные:

- Признаки усиливающейся зависимости от России:
    - зависимость от российской экономической помощи, покрывающей львиную долю ежегодных расходов;
    - двойное российско-абхазское гражданство подавляющего большинства граждан РА;
    - осуществление совместной охраны границ;
    - расположение военных российских баз на территории Абхазии;
    - ограниченность в реализации самостоятельной внешней политики;
    - синхронизация абхазской правовой системы с российской;
    - минимальная доля экономических связей с другими странами.
- Укрепление вертикали власти, частичный возврат к старым схемам административного управления.
- Появление отдельных признаков этнократии. Снижение представительства этнических меньшинств во властных органах.
- Шаги, ведущие к самоизоляции – введение внутренних правил, ограничивающих контакты с международными организациями и зарубежными дипломатами.
- Проявление непримиримых позиций у различных политических групп по поводу гражданского статуса жителей Гальского района, закона о государственном языке и некоторым другим вопросам, что говорит об отсутствии консенсуса относительно характера государства, которое строим.
- Торможение развития рыночной экономики. Отсут-

ствие системы поддержки частного предпринимательства.

- Фрагментация гражданского общества. Маргинализация в общественном дискурсе местных НПО, сотрудничающих с зарубежными организациями.

Рассмотрение перечисленных выше тенденций позволяет выделить ряд противоречий и парадоксов современного этапа развития абхазского государства:

- существующий запрос на модернизацию и тенденция восстанавливать устаревшие, характерные для советского прошлого схемы и механизмы решения экономических и социальных вопросов;
- увеличение финансовых вливаний из России и одновременное торможение развития рыночной экономики в Абхазии;
- повышение запроса на более активную роль гражданского общества в решении актуальных проблем и недоверие к независимым НПО, ведущее к снижению влияния гражданских организаций;
- провозглашение актуальности задачи международного признания Абхазии и конкретные шаги правительства по самоизоляции (ограничение сферы деятельности работающих в Абхазии международных организаций, игнорирование ряда конструктивных инициатив ЕС по деизоляции Абхазии, ограничение доступа в страну зарубежных дипломатов).

Роль гражданского общества

Несмотря на то, что в целом роль гражданского общества в строительстве демократического государства крайне недооценивается абхазским обществом, нам представляется этот фактор одним из определяющих реальное продвижение процесса демократизации. К сожалению, еще многое предстоит сделать для того, чтобы существующие в Абхазии гражданские органи-

зации могли эффективно реализовать свои функции – защиту прав и свобод человека и гражданина, формирование норм и ценностей, которые впоследствии закрепляются в законах государства, обеспечение широкого самоуправления во всех сферах общественной жизни, способствовать достижению общегражданского консенсуса по судьбоносным вопросам развития государства и др. Для полноценного функционирования гражданского общества должны сформироваться определенные условия – достаточно высокий уровень развития экономической и политической сфер, социальных отношений, наличие правового государства, которое ограничивает себя по отношению к гражданскому обществу, а с другой стороны – взаимодействует с ним. Понятно, что в Абхазии еще нет необходимых условий, однако история развития национально-освободительного движения в автократическом государстве способствовала появлению определенной критической массы активных граждан, сознающих свою свободу и необходимость политического участия в формировании органов государственной власти, в принятии решений и в контроле за их реализацией. Однако, на современном этапе взаимодействие государства и гражданского общества трудно назвать эффективным взаимодополнением. Еще только предстоит обеспечить партнерские отношения власти и гражданского общества, их противоречивое, но действенное единство. Полезным было бы наделение реальными полномочиями общественных советов при местных администрациях, министерствах, учебных заведениях, государственном телевидении и т.п. Более активное включение механизмов гражданского участия и контроля будет способствовать стабильному развитию государства, поскольку своевременная обратная связь позволяют вовремя скорректировать ситуацию. Несмотря на существующие проблемы, для Абхазии не характерно вмешательство государства в деятельность гражданского общества, нет и избыточной

регламентации деятельности гражданских организаций, что имеет место, например, в России. Деятельность НПО и других субъектов гражданского общества осуществляется в установленных законом правовых рамках. К сожалению, в Абхазии сложилась такая структура общества, когда политические партии не всегда осознают себя частью гражданского общества, не устанавливают партнерские отношения с другими структурами гражданского общества, сосредоточив свои усилия на обеспечении продвижения политического влияния определенной группы. Это значительно обедняет жизнь гражданского общества и снижает эффективность воздействия на власть и на государство в целом. В связи с этим развитие многопартийной системы, формирование полноценных политических партий, основанных не столько на групповых интересах, сколько объединяющих людей со схожими ценностями, является одной из приоритетных задач, обеспечивающих позитивное развитие политической системы в предстоящее десятилетие.

Заключение

Если целью абхазского общества является построение современного эффективного демократического государства, то предстоит большая работа по совершенствованию всей правовой системы. Реализацию этой задачи, на наш взгляд, необходимо начинать с широких дискуссий среди всех слоев абхазского общества, чтобы способствовать выработке на основе консенсуса конструктивных решений по преодолению следующих наиболее серьезных проблем:

- Недостаточно сбалансированная система сдержек и противовесов, преобладание исполнительной ветви власти над законодательной.
- Неэффективность судебной системы, связанная с ее недостаточной самостоятельностью, отсутствием Конституционного суда, отсутствием института несменяемости судей.

- Неэффективность местного самоуправления как следствие излишней централизации власти.
- Недостаточные гарантии сохранения и полноценного функционирования абхазского языка и культуры, что затрудняет создание условий для конструктивного реагирования на другие современные угрозы и вызовы.
- Преобладание этнического самосознания над общенациональным. Этническая фрагментация общества.
- Несоблюдение прав человека как следствие коммунистической идеологии, как следствие войны и низкого экономического уровня, как следствие продолжающегося конфликта с Грузией и как проявление национализма в строящемся в этих условиях государства.

Решение задач, связанных с перечисленными выше проблемами потребует нескольких лет интенсивной работы всего общества. Но для того, чтобы прилагаемые усилия были согласованы и эффективны, на наш взгляд, необходимо в первую очередь способствовать процессам интеграции населения Абхазии, стимулируя формирование единой нации при сохранении этнического разнообразия. Только таким образом можно будет достичь всеобщего консенсуса относительно приоритетов развития государства и не опасаться новых вызовов – как внешних, так и внутренних.

Вопросы для дискуссии:

- Какая модель реформирования институтов власти (центральных и местных) отвечает запросам на большее гражданское и политическое участие и решает задачу повышения эффективности системы управления в Абхазии в целом?
- Какие законодательные инициативы помогут преодолеть наследие советского опыта и влияние актуального конфликта с Грузией и укрепить систему правосудия, которая

сможет обеспечить защиту прав всех граждан Абхазии вне зависимости от социального положения или этнического происхождения?

- Какими средствами можно было бы гарантировать сохранение и развитие абхазской культуры и расширение сферы употребления абхазского языка, что исключало бы введение недемократических способов их защиты?
- Каким образом, сохраняя этническое разнообразие, преодолеть этническую фрагментацию общества и способствовать формированию единой нации?

Нателла АКАБА

СТРОИТЕЛЬСТВО НАЦИИ
Проект «Абхазия»: политическая нация или сообщество меньшинств?

Абхазия как полиэтничное сообщество

С началом грузино-абхазской войны 1992-93 гг. и последовавшими после ее окончания блокадой и другими социально-политическими катаклизмами в Абхазии происходили радикальные изменения этнодемографической ситуации. Процесс начался вскоре после ввода в Абхазию грузинских войск, когда была осуществлена эвакуация этнических евреев и эстонцев, предпринятая в организованном порядке правительствами Израиля и Эстонии. Несколько позже, летом 1993 г., на специально присланном Афинами корабле были вывезены в Грецию большинство абхазских греков. Массовый исход русских, армян и абхазов в ходе военных действий происходил, в основном, стихийно или при поддержке российских МЧС и Черноморского флота. Надо отметить, что с 2008 г., когда Абхазия, после признания независимости со стороны России, получила гарантии безопасности, обеспеченные, в основном, российским военным присутствием, часть ранее покинувших республику жителей стали возвращаться.

Как известно, после окончания вооруженного противостояния значительная часть грузинского населения покинула пределы Абхазии. Однако в конце 90-х гг. по предложению первого президента РА Вл. Ардзинба около пятидесяти тысяч этнических грузин вернулись в Гальский район и некоторые сёла Очамчирского и Ткварчельского районов.

Согласно результатам переписи населения в 2011 году, население Абхазии составило 240 705 человек. Из них чуть более 122 тыс. (50,71%) - этнические абхазы, более 46 тыс. (17,93%) грузин, почти 42 тыс. (17,39%) армян, более 22 тыс. (9,17%) русских. Остальное население составили миноритарные этнические группы - турки, греки, эстонцы и др. По имеющимся данным всего в Абхазии в настоящий момент проживают представители около 60 национальностей.

Что же касается конфессионального состава населения, то, как выяснилось в результате переписи 2003 года, 60% граждан страны относят себя к христианам, 16% идентифицируют себя как мусульмане, 3% указали «традиционное абхазское вероисповедание», 5% населения страны считают себя язычниками, 2% относятся к иным вероисповеданиям и 8% населения страны считают себя атеистами. Как отмечает журналист Э. Пшеу, если исходить из полученных данных, становится ясно, что общей религии у абхазов нет.[1]

Некоторые тенденции развития

Таким образом, послевоенная Абхазия продолжает оставаться полиэтнической и поликонфессиональной страной, хотя ее этническая композиция довольно существенно изменилась. Поэтому и сегодня вопросы, связанные со строительством государства в условиях этнокультурного и конфессионального многообразия, имеют для руководства республики, политических и общественных деятелей и гражданского общества отнюдь не теоретический, а вполне практический интерес. И наиболее важным в данном контексте является вопрос о том, насколько гармоничны ме-

[1] Э. Пшеу, Национальная идея Абхазии: выбор в процессе строительства государства, сайт «Абхазский узел», 7 сентября 2012 г. http://abhaz-uzel.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3175:natsionalnaya-ideya-abkhazii-vybor-v-protsesse-stroitelstva-gosudarstva&catid=84:analitika&Itemid=487

жэтнические отношения и в какой мере в стране обеспечено равенство всех граждан, независимо от их национальной, конфессиональной или иной принадлежности. Обнадеживает то обстоятельство, что этнокультурный и конфессиональный плюрализм, как правило, воспринимается гражданами Абхазии различной этнической принадлежности как позитив и повод для особой гордости.

Для лучшего понимания самоощущения граждан Абхазии различной этнической принадлежности можно сослаться на результаты соцопроса, проведенного кандидатом социологических наук, старшим преподавателем Кубанского госуниверситета Э. Тужба в 2009 г. Опрос проводился среди представителей основных этнических групп Абхазии (надо оговориться, что грузины в данном опросе не участвовали). Квотная выборка составляла 656 респондентов, из них 222 абхазов, 216 русских и 218 армян.

Изучение проблемы успешности в обществе (прежде всего, экономической) показало, что, по мнению большинства респондентов, хорошее образование, нужная профессия, полезные связи и знакомства, а также поддержка семьи, обеспеченные родители и подходящий возраст важнее, чем национальность. Однако «подходящая» национальность важна для 37% респондентов. При этом многие из опрошенных заявляли, что индивидуальные шансы людей на успех зависят не только от национальности, а обусловлены, в первую очередь, качествами человека. Но все-таки в большинстве случаев отмечалось преимущество лиц «титульной» национальности, что особенно проявляется при занятии высоких постов в органах власти, получении хорошей работы и в меньшей степени сказывается на экономической успешности. То, что политика - это та область, где проявляется этническое неравенство, не вызывает сомнений у людей разных национальностей, а вот сферу частного бизнеса чаще оце-

нивают как результат индивидуальных усилий, меньше связанных с этнической принадлежностью.[1]

Как указывает Э. Тужба, преобладание в рядах властной элиты абхазов, а также сложившийся принцип селекции кадров позволяют предположить, что имеет место стратегия этнического протекционизма на высшем уровне кадровой политики в республике. При этом, оговаривается автор, в этом нет ничего уникального: аналогичная ситуация существует практически во всех национальных республиках бывшего СССР. Однако он констатирует, что данное обстоятельство нередко ведет к формированию у «не титульного» населения чувства психологического дискомфорта, провоцирует усиление различий в восприятии людьми разных национальностей происходящих в их жизни перемен.[2]

В связи с этим будет уместно привести слова известного социолога Э. Яна о том, что возведенные в систему правовые и социальные привилегии титульной нации легитимируются как компенсация за перенесенную в прошлом дискриминацию.[3] На наш взгляд, это наблюдение вполне применимо к «абхазской ситуации», если иметь в виду тот период советской истории, когда абхазы подвергались откровенной дискриминации, особенно в 30-е – 40-е годы 20 века.

Итак, можно считать вполне ожидаемым сложившееся у большинства опрошенных мнение о том, что абхазы обладают явными политическими преимуществами в вопросах представительства во власти. И немаловажно, что признают это не только русские и армяне, но и некоторые абхазы,

[1] Э. Тужба, Особенности социального самочувствия этнических групп и их отношений в Абхазии, http://ecat.lib.mpgu.edu/Opac/index.php?url=/notices/index/143590/default#

[2] Там же, стр. 97

[3] Э. Ян, Демократия и национализм: единство или противоречие? http://www.tatar-history.narod.ru/yan.htm

участвовавшие в опросе, хотя и не все. Следовательно есть основания для серьезного анализа причин такого ощущения представителей неабхазского населения и принятия мер в направлении гармонизации межэтнических отношений.

Возможные сценарии дальнейшего развития

С нашей точки зрения наиболее вероятным и желательным сценарием в обозримом будущем является следующий. В Абхазии осуществляется инклюзивный проект, т.е. движение по пути строительства политической (гражданской) нации из людей, желающих строить общую политическую нацию и, следовательно, общее государство. По мнению ряда этнологов и социологов, для создания нации необходимо некое ядро в виде этнической общности, вокруг которой и будет происходить процесс нациестроительства, поскольку нации не могут «создаваться из ничего». Таким ядром фактически уже являются этнические абхазы. При этом в ходе строительства нации нельзя упускать из виду и удовлетворение социокультурных и духовных потребностей как абхазов, так и других этнических групп с целью сохранения этнокультурного многообразия, т.е. реализацию соответствующей политики в сфере образования, культуры, духовной жизни.

Правовые основания для строительства гражданской нации имеются - в действующей Конституции Республики Абхазия (принята в 1994 г.) сказано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Абхазия является ее народ – граждане Республики Абхазия» (Глава 1, статья 2). Как видим, в данном контексте понятие «народ» лишено этнической окраски, следовательно, оно включает в себя все многонациональное население страны. В то же время в Конституции содержится указание на то, что государство гарантирует всем этническим группам, проживающим в Абхазии, право на свободное использование родного языка (Гл. 1, статья 6). А в Главу 2-ю «Права и свободы человека и граж-

данина» включены основные принципы «Всеобщей декларации прав человека».

Некоторые из этих положений носят декларативный характер, но другие являются фактом жизни сегодняшней Абхазии. Так, например, в республике действуют абхазские, русские и армянские школы, а в ряде населенных пунктов Гальского района – и грузинские. Международные организации, посещающие Абхазию, часто фокусируют свое внимание на Гальском районе и, в особенности, на проблемах, связанных с преподаванием грузинского языка в местных школах. Власти Абхазии, как и абхазское общество в целом, не могут согласиться с использованием в учебном процессе весьма идеологизированных учебников по истории, географии и литературе, изданных в Грузии. По мнению многих, молодые люди, воспитанные в духе той самой идеологии, которая в 1992 г. привела к войне, не смогут интегрироваться в абхазское общество и быть лояльными абхазскому государству. Как считает абхазская сторона, должны быть созданы соответствующие абхазские учебники для грузинских школ Гальского района, правда, при этом нет гарантии, что эти учебники не будут приняты «в штыки» грузинской стороной.

В Абхазии телевидение и радио вещают как на абхазском, так и на русском языке. Печатные издания выходят на абхазском, русском, армянском и мегрельском языках. Гораздо сложнее, как оказалось, решить задачу развития и расширения сферы применения государственного (т.е. абхазского) языка. В условиях традиционно широкого употребления русского языка (как языка межнационального общения) и при отсутствии эффективной языковой политики абхазскому языку трудно выдерживать конкуренцию. Тем более, что государственная поддержка любого языка требует серьезных материальных затрат, что в послевоенной послеблокадной стране с полуразрушенной экономикой представляется не-

простой задачей. И это вызывает обоснованную тревогу среди абхазского населения. Представители неабхазского населения в основном с пониманием относятся к озабоченности абхазов будущим родного языка, хотя планируемый перевод делопроизводства на абхазский язык к 2015-му году может вызвать проблемы, если не будет всесторонне подготовлен.

В то же время нельзя полностью исключить, что выбор будет сделан в пользу эксклюзивного проекта, т.е. в направлении этнического обособления или этнонационализма, что, на наш взгляд, представляет серьезную угрозу для национальной безопасности. Однако недопустимы и попытки насильственной ассимиляции неабхазского населения, ускоренного перевода делопроизводства на абхазский язык при отсутствии государственной поддержки программ по обучению абхазскому языку. Необходимо иметь в виду, что межэтнические отношения не являются чем-то раз и навсегда данным – они могут трансформироваться, в полиэтнических и поликонфессиональных обществах возможны напряженность и конфликты, их необходимо предупреждать или своевременно урегулировать, т.е. проводить правильную национальную политику.

Предложения, рекомендации к действию

Согласно Э. Яну, «поскольку едва ли возможно полностью устранить преимущества титульных этносов, чей родной язык выполняет функции государственного, в демократии неизбежно присутствуют этнократические черты: при назначении на государственную службу (это относится также и к большинству общественных должностей) предпочтение отдается людям, которые в совершенстве владеют языком страны, т.е. представителям титульной этнии»[1]. Как следует из приведенных выше данных, это положение вполне при-

1 Там же

менимо и к Абхазии. Преодолеть неравенство возможностей для представителей разных этнических групп возможно с помощью продуманных мер по защите негосударственных языков и созданию условий для изучения государственного языка представителями иноязычных групп. При этом всякое давление должно быть исключено.

Представляется необходимым принятие системных мер с целью укрепления гражданского единства народа Абхазии вокруг идеи строительства государства. При этом нельзя упускать из виду как задачи сохранения этнокультурного многообразия, так и то обстоятельство, что абхазский язык, как и в более широком плане этнокультурная идентичность, на протяжении веков подвергались негативному воздействию, что требует решительных мер по их поддержке и защите.

Недавно абхазский парламент принял Закон «О свободе совести и религиозных объединениях», который подтвердил приоритет права человека на свободу совести и вероисповедания. Однако политика в сфере межэтнических отношений пока не стала актуальной темой общественного дискурса. Кроме того, представляется серьезным упущением, что в такой полиэтничной и поликонфессиональной стране как Абхазия отсутствуют институты, занимающиеся проблемами меньшинств.

Создание сильного гражданского общества будет способствовать утверждению прав всех граждан, независимо от их этнической принадлежности. При таких условиях сохранение естественных этнических различий не будет препятствием к формированию единой гражданской нации. Под последней мы понимаем объединение людей, желающих создать общее государство, иными словами, «людей, объединенных идеей о суверенном и солидарном согражданстве», согласно определению В. Тишкова.[1] Ряд исследователей называет та-

1 В. Тишков, «Как понимать «народ» и «нацию»,

кие государства-нации плебисцитарными, т.е. созданными посредством своего рода плебисцита. Этнические, культурные, языковые и конфессиональные различия не обязательно являются препятствием, если людей объединяет идея общего государства. Теоретики плебисцитарного национализма подчеркивают присущее ему право индивида на смену нации, равно как и на отказ от такой смены и сохранение своей принадлежности к другой нации.

В то же время надо отдавать себе отчет в том, что вряд ли на практике возможно, чтобы волеизъявление всех людей абсолютно совпадало. В Абхазии также могут существовать группы (объединенные по этническому или иному признаку), не вполне лояльные абхазскому государственному проекту. В частности, вряд ли на данном этапе стоит ожидать от населения Гальского района единодушной поддержки идеи абхазского государства. Но и в этом нет ничего исключительного – в мире нет ни одного государства, все граждане которого были бы единодушны в своем желании составлять единую нацию и строить собственное государство. В демократическом государстве право выбора принадлежит большинству. В свете всего вышесказанного задача интеграции населения Гальского района в состав абхазской политической нации представляется особенно важной для успеха абхазского национального проекта в целом.

Можно согласиться с Т. Триером в том, что «…демократизация Абхазии принесет пользу всему обществу, включая нетитульные этничности. Абхазии необходима помощь всего международного сообщества, а не только Российской Федерации, чтобы выработать модель более инклюзивного общества, где будут приниматься во внимание легитимные инте-

Интернет-издание «Просвещение», 07.03.2012 г., http://prosvpress.ru/2012/03/narod-i-natsiya/

ресы и потребности групп меньшинств. Кажется, что в последние годы абхазское руководство приходит к пониманию необходимости работы в направлении примирения полиэтнического населения территории и проведения более этнически инклюзивной политики»[1]. Следует заметить, что налицо некоторые успехи в расширении сферы использования абхазского языка, в том числе и людьми других этнических групп, что может быть расценено как позитив. В то же время необходимо усилить систему защиты прав человека и сформулировать политику, способствующую сохранению этнокультурного и конфессионального многообразия. Необходимо найти баланс между полиэтническим или мультинациональным патриотизмом и этнонационализмом титульной нации. Возможно, что для Абхазии был бы наиболее приемлемым вариант многоуровневой идентичности.

Дискуссионные вопросы

Нельзя не заметить, что ни политическая и интеллектуальная элита, ни гражданское общество Абхазии до сих пор не приступили к обсуждению оптимальной модели национального государственного строительства. Учитывая, что в мировой науке и среди глобального политического бомонда до сих пор нет общепринятой дефиниции нации и все еще продолжаются дискуссии на тему, что такое национальное государство и является ли национализм злом или неизбежным спутником перехода к демократии, обсуждение данного вопроса требует серьезного осмысления. В данном контексте представляется важным рассмотреть теорию о разделении наций на «гражданские» и «этнические» (или «культурные»). Как указывает М. Фадеичева: «Нация существует в двух аспектах – как гражданская нация, сущность которой составляет кол-

1 CaucasusTimes, 30 октября, Том Триер (TomTrier), О национальной политике и проблемах этнических меньшинств в Абхазии и в Грузии. http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20997

лективный суверенитет, основанный на общем политическом участии; как этнонация, к которой относятся все те, кого связывает общее происхождение на одной земле, кровные узы, язык, духовная культура»[1]. Согласно такому подходу, сторонники этнокультурной концепции нации отдают приоритет культурному наследию, а приверженцы гражданской нации считают определяющими политические принципы, которые разделяются гражданами данного государства. Хотя, надо признать, что обе концепции имеют различные интерпретации и являются далеко не единственными.

Обществу и политическому руководству страны еще только предстоит дать ответ на следующие вопросы:

- Какая государственная модель является наиболее приемлемой для Абхазии в свете существующих внешних и внутренних угроз?
- Кто является политическими субъектами абхазского национального проекта?
- Как укрепить демократические институты и при этом обеспечить в полном объеме соблюдение политических и социокультурных прав всех граждан Абхазии?
- Как обеспечить условия для сохранения и развития абхазского языка и этнокультурной идентичности в свете того обстоятельства, что Абхазия является единственной в мире колыбелью абхазов как этнонации?
- Кого мы имеем в виду, говоря о народе Абхазии и абхазской нации?

1 М. Фадеичева, Этнонациональные пределы гражданского общества в России, стр. 1

Лиана КВАРЧЕЛИЯ

КОНФЛИКТЫ И ОТНОШЕНИЯ С ВНЕШНИМ МИРОМ

Отношения Абхазии с внешним миром

Нынешнее внешнеполитическое положение Абхазии

В 2013 г. исполнится 20 лет абхазскому государству. Если не углубляться в выявление противоречий международного права, в конституционные рамки и фактические последствия распада СССР для некогда составлявших его союзных и автономных образований (а также в интересы реальной политики в процессе признания новых постсоветских государств), то можно сказать, что наиболее весомым фактором, повлекшим за собой фактическую независимость Абхазии, стала грузино-абхазская война 1992-1993 гг. До 2008 г. абхазская сторона, обосновывая юридический аспект независимости абхазского государства, ссылалась на правовые коллизии, связанные с разными историческими периодами, включая создание и распад СССР. Сегодня начало международной легитимации абхазского государства связывается, главным образом, с признанием в 2008 г. независимости Абхазии со стороны Российской Федерации. Последовавшее в течение последующих четырех лет признание со стороны еще пяти государств, обладающих, за исключением, пожалуй, Венесуэлы, весьма скромным удельным весом в международной конъюнктуре, не повлекло за собой широкой внешней легитимации Абхазии, и в этом процессе на сегодняшний день наблюдается определенный застой.

Возникает вопрос, каковы составляющие сложившегося статус-кво, и каковы перспективы его изменения и расширения международного признания Абхазии.

На сегодняшний день Абхазия существует как бы в двух измерениях. В одном из них Абхазия – де-юре признанное государство и субъект официальных межгосударственных (двусторонних) отношений. У этого измерения есть свои ограничения, поскольку признание Абхазии носит частичный характер – только шесть государств признали независимость республики. Кроме того, только одно государство из этих шести – Россия, будучи влиятельным международным игроком, к тому же является региональной державой, на южных границах которой расположена Абхазия. Россия предоставляет Абхазии гарантии военной безопасности, оказывает большую экономическую помощь и реально влияет на ситуацию как в самой Абхазии, так и в регионе. Западные страны держат Абхазию в режиме неполной изоляции.

В другом измерении Абхазия де-юре не считается суверенным образованием, поскольку признается неотъемлемой частью Грузии, и не рассматривается в качестве субъекта международных отношений. Это измерение не отражает фактического состояния дел, в контексте которого Абхазия реально от Грузии не зависит – Грузия не осуществляет контроля над ее территорией и не участвует в ее управлении, хотя и влияет на международную конъюнктуру в отношении Абхазии.

Статус-кво, в котором сосуществуют эти два измерения после 2008 г., определил более или менее устойчивую ситуацию, которую, несмотря на определенные негативные тенденции, не смогли серьезно обрушить ни информационная война вокруг событий 2008 г., ни формат женевских дискуссий,

в котором статус участников низведен до уровня экспертов, ни череда международных резолюций по так называемым «оккупированным территориям».

Однако любое поступательное развитие в регионе, затрагивающее интересы основных игроков и имеющее прямое или косвенное отношение к Абхазии, приводит обозначенные выше две реальности к неизбежному столкновению, и вынуждает стороны искать приемлемые форматы в пределах возможных компромиссов. К примеру, российско-грузинское соглашение 2011 г., подписанное в связи со вступлением России во Всемирную Торговую Организацию, потребовало серьезных уступок со стороны Грузии. Однако вряд ли грузинское руководство пошло бы на эти уступки, если бы не давление главного партнера Грузии – США. Россия также вынуждена была прибегнуть к максимально размытым формулировкам, которые, с одной стороны, не ставили бы прямым образом под сомнение признанный самой же Россией независимый статус Абхазии, а с другой - позволили бы грузинской стороне поставить подпись под столь важным для Москвы документом. Абхазская сторона, скорее всего, не была задействована в консультациях по вопросу, непосредственно касающемуся ее границ, и могла лишь заявить о том, что не допустит на свою территорию международных наблюдателей в рамках российско-грузинского соглашения.

С подобными ситуациями придется иметь дело, если речь пойдет и о других проектах, особенно если они напрямую касаются территории Абхазии. К числу таких вопросов можно отнести, например, идею восстановления южно-кавказского железнодорожного сообщения через территорию Абхазии. Даже если будет преодолено сопротивление Азербайджана в вопросе восстановления железной дороги, соединяющей Рос-

сию и Армению, сторонам надо будет найти формулу, удовлетворяющую, в первую очередь, Абхазию, поскольку наиболее уязвимым игроком, в силу частичной признанности и вытекающих из этого обстоятельств, является именно она.

Возможны ли новые отношения с Грузией?

В первые же дни после прихода к власти в Грузии госминистр Паата Закареишвили попытался снять табу на наиболее смелые в сегодняшнем грузинском политическом контексте идеи – двустороннее соглашение с Абхазией о неприменении силы, пересмотр закона об «оккупированных территориях» с целью облегчения прямых контактов Абхазии с Европой, восстановление железнодорожного сообщения через Абхазию, переименование министерства по «реинтеграции» и т.д. Эти идеи далеко не всегда находят понимание и поддержку в других ведомствах нового грузинского правительства, не говоря уже об оппозиции. Конфликты – это тот политический ресурс, который всегда используют во внутриполитической борьбе, загоняя рациональные идеи в прокрустово ложе популизма. Учитывая наличие в Грузии в высокой степени конкурентной политической среды, можно предположить, что грузинским властям будет сложно занять прагматичную позицию в отношении Абхазии без поддержки извне и четких мэссиджей от западных партнеров в адрес грузинской оппозиции. Очевидно и то, что для получения такой поддержки новой команде необходимо преодолеть существующий на сегодняшний день некоторый дефицит доверия со стороны западных партнеров, а на его восполнение потребуется время.

Но самое главное заключается в том, что сама правящая элита Грузии должна сделать четкий выбор, отражающий но-

вые реалии во взаимоотношениях с Абхазией. Поначалу складывалось впечатление, что при всей существующей политической разноголосице внутри правящей коалиции, наиболее либеральное ее крыло склонно расширить понимание «деизоляции» Абхазии, подразумевая под ним не только контакты с Грузией, но и прямые контакты Сухума с западным миром. В этом смысле на смену силовому давлению и поставгустовской имитации «мягкой силы» со стороны Саакашвили пришла, возможно, реальная «мягкая сила» с расчетом на постепенный разворот абхазов в сторону Грузии через снятие барьеров для общения Абхазии с внешним миром. Она же подразумевает максимальную открытость Грузии для граждан Абхазии при сохранении политической цели - реинтеграции.

Однако новые и реанимированные старые идеи, озвученные госминистром Закареишвили, преподносились публике в упаковке тезиса об «оккупированных территориях». Настойчивое упоминание новыми властями термина «оккупированные территории» сначала воспринималось в большей степени как дань «политкорректности» по отношению к грузинскому политическому сообществу. Однако довольно скоро стало ясно, что грузинские «красные линии» не вполне допускают самостоятельное общение Абхазии с внешним миром. Аргументы грузинских властей о том, что реальная безопасность и развитие могут быть обеспечены для Абхазии только через сближение с Грузией, оторваны от реальности, поскольку не отражают восприятия угроз абхазской стороной. Если деизоляция Абхазии будет по-прежнему видеться в Тбилиси только в рамках неизбежного и неуклонного сближения с Грузией, хотя и обновленной, то об идее серьезного открытия Абхазии для внешнего мира (за исключением России) можно будет забыть.

Желание абхазов строить собственное независимое государство не изменяется в зависимости от смены режима в Тбилиси. Можно предположить, что в случае окончательного отката новых грузинских властей к старым подходам сохранится нынешний статус-кво. Если тбилисские власти поймут, что расчет на деизоляцию как на локомотив для разворота абхазов в сторону Грузии не оправдался, то они смогут, по крайней мере, удовлетвориться отсутствием ответственности за принятие решений в отношении сложного конфликта, сосредоточившись вместо этого на вопросах внутреннего развития в Грузии. Если при этом Грузия «закроет глаза» на контакты, в частности Европы с Абхазией, отчасти преодолев собственные эгоистические интересы, то желательным для нее итогом может стать диверсификация экономических и политических контактов Абхазии как способ в некоторой степени сбалансировать присутствие в регионе внешних игроков.

Более реалистичная и нейтральная по отношению к статусу Абхазии позиция и признание Абхазии хотя бы как стороны в конфликте и визави в соглашении о неприменении силы увеличит вероятность взаимодействия в областях, представляющих взаимный интерес, включая участие Абхазии в региональных и даже двусторонних взаимовыгодных экономических проектах. Допуская возможность определенного взаимодействия в сфере транспортных коммуникаций, в торговле, в области энергетики, следует учесть, что любые решения, которые будет принимать абхазская сторона, будут тщательно соизмеряться с возможными рисками. Нынешний подход, основанный на идее «оккупации», или возможный нейтралитет по отношению к статусу Абхазии, или наиболее предпочтительное для Абхазии признание независимости республики определили бы соответствующую степень открыто-

сти Абхазии к подобного рода взаимодействию. Т.е. с абхазской точки зрения взаимодействие может иметь место лишь в формате, масштабах и на условиях, исключающих угрозу военной и политической безопасности Абхазии. В этом смысле инструментальная ценность экономических рычагов стимулирования Абхазии к компромиссу в отношении собственного политического статуса в пользу Грузии чрезвычайно низка.

Сказанное выше относится и к европейской идее предоставления Абхазии возможности воспользоваться через Грузию плодами готовящегося соглашения между Грузией и ЕС о свободной торговле и о праве на безвизовый въезд на территорию ЕС. В международной среде распространено мнение о том, что торгово-экономическое сотрудничество между Грузией и Абхазией, а также контакты в других сферах могут стать действенным инструментом для примирения двух народов и, в конечном итоге, для восстановления «территориальной целостности» Грузии. Однако идея «реинтеграции» - это именно то, что отталкивает абхазскую сторону и заставляет ее выбирать наиболее очевидный и в какой-то степени упрощенный путь в виде создания заслонов от любых инициатив со стороны не только Грузии, но и ее союзников, вплоть до наметившейся в последнее время тенденции к сокращению международного присутствия в Абхазии в ущерб не столько экономическим интересам, сколько политическим задачам по преодолению международной инерции в отношении Абхазии.

Западные подходы в отношении Абхазии

Отдавая должное наличию нюансов, в некоторой степени отличающих европейский и американский подходы к конфликту, отметим все же их общую основу. Абхазия со свои-

ми притязаниями на широкое международное признание воспринимается международным сообществом через призму взаимоотношений Запада и России. Приход к власти коалиции под руководством Бидзины Иванишвили под лозунгом восстановления отношений не только с Абхазией и Южной Осетией, но и с Россией, породил в международной среде, с одной стороны, завышенные ожидания, связанные с перспективами урегулирования конфликта, с другой - некоторые опасения относительно возможности отклонения Грузии от евроатлантического курса. Эти опасения на определенном этапе могут заставить Запад попытаться отделить вопрос урегулирования территориальных споров от вопроса вступления Грузии в НАТО, что может вылиться, в зависимости от позиции Грузии, как в продолжение политики изоляции и неуклонный дрейф Абхазии под реальный российский протекторат (что более реально), так и в поэтапный, растянутый во времени процесс признания Абхазии на определенных условиях. В этом случае условия, скорее всего, будут включать существенное международное присутствие в Абхазии, решение вопроса беженцев (частичное возвращение, компенсация потери собственности, в том числе в обмен на возвращение), демократизацию всех сфер в соответствии с международными стандартами и т.д. Недавнее голосование по вопросу статуса наблюдателя в ООН для Палестины показало, что под процессом признания новых государств черта еще не подведена. И какова бы ни была мотивация Грузии при голосовании в пользу членства Палестины, оно в некоторой степени стало отражением понимания в международной среде неизбежности определенных процессов. В этом смысле ссылки на недопустимость «расчленения» Грузии несостоятельны и в свете того, что сама

Грузия образовалась в результате распада СССР, и в свете признания Косово и ряда других государств, и в свете последних событий вокруг Палестины.

В случае Абхазии, однако, в обозримом будущем и США и Европейский Союз, в силу периферийного характера грузино-абхазского вопроса в международной повестке дня, вероятнее всего предпочтут не менять существующий статус-кво, используя его в ближайшие годы в качестве «кнута» в отношениях с Россией и предоставляя Турции возможность играть роль более гибкого игрока в отношениях с Абхазией. Очередным свидетельством подобной гибкости является заключенное в ноябре 2012 г. соглашение между абхазской столицей и турецким городом Сиде о партнерских отношениях и последовавший за ним визит группы турецких предпринимателей и представителей местной администрации одного из турецких городов в столицу Абхазии.

Возможно также, что сама Европа извлечет, наконец, уроки из так и нереализованной попытки «вовлечения без признания» и не просто сформулирует, но и реально приступит к имплементации инициатив по деизоляции Абхазии, не связывая ее исключительно с конфликтом, а видя в ней самостоятельную ценность. Формула «взаимодействие/ вовлечение без признания» при всех положительных изначальных интенциях была скомпрометирована тем, что была перехвачена и фактически законсервирована прежним грузинским руководством. Если уроки будут извлечены и у Европы будет достаточный интерес к региону, то могут появиться новые инициативы, напрямую связывающие Абхазию с европейскими странами. Если же главной целью Европы как близкого соседа будет не стабильность и демократия в регионе, а вытеснение России за счет примирения абхазов и грузин и возвращения

Абхазии в лоно Грузии, то будет неизбежным еще более радикальное сокращение и без того символического международного присутствия в Абхазии.

Новый абхазский подход в отношении международных институтов

Упомянутая выше тенденция Абхазии к более жесткому регулированию контактов с западным миром имеет, вероятно, несколько составляющих. С одной стороны, она является ответной мерой и связана с желанием побудить международное сообщество изменить существующие подходы в отношении Абхазии, основанные на признании ее частью Грузии, тем более что после 2008 г. эти подходы ужесточились - это проявилось, например, в потере Абхазией статуса стороны в переговорах. На сегодняшний день план Медведева-Саркози себя исчерпал, и назрела необходимость обсуждения нового формата в рамках Женевских дискуссий.

Кроме того, характер помощи, оказываемой, в частности, Европой, носит ограниченный по масштабу и иногда символический характер. Отсутствуют значимые программы по развитию, акцент делается в большей степени на гуманитарные программы. Идею деизоляции ЕС связывает исключительно с урегулированием конфликта. Все это воспринимается в Абхазии как дискриминационный подход и усугубляет недоверие к западным институтам.

Внедрение Абхазией более формализованных процедур общения с внешним миром вместо предшествовавшего им более гибкого взаимодействия, отдававшего дань политическому аспекту международного присутствия в Абхазии, возможно, также означает, что нынешнее руководство не видит сотрудничество с международными организациями в качестве способа формирования более благоприятного для

государственного строительства в Абхазии климата. К сожалению, попытки отдельных западных институтов и организаций начать изменение ситуации в сфере взаимодействия совпали с пиком общей усталости и фрустрации в Абхазии по поводу бездействия ЕС. Однако тот факт, что во властных структурах на данный момент обсуждается введение безвизового режима для въезда иностранных граждан в Абхазию, а Президент Абхазии неоднократно предлагал международным представителям подумать о масштабных инвестициях в республику, может свидетельствовать о том, что абхазская сторона все еще находится в поиске приемлемых правил игры. Важно, чтобы при выработке этих правил абхазская сторона учитывала то, что для появления серьезных инвестиций, к примеру, из Европы, необходим более благоприятный политический климат во взаимоотношениях Абхазии с европейскими институтами.

Новый абхазский подход в определенной степени учитывает тенденции в России и опасения российской стороны в отношении некогда тиражировавшейся идеи «многовекторной» политики Абхазии, которая многими толковалась неверно и преподносилась как отход от союзничества с Россией. На самом деле в силу того, что долгосрочным интересом Абхазии является укрепление суверенитета страны через дальнейшую международную легитимацию, абхазская сторона при прежнем руководстве стремилась к расширению международных контактов при сохранении и углублении партнерства с Россией. Можно сказать, что в связи с вопросом международного присутствия в Абхазии в противоречие вступают, с одной стороны, общий интерес Абхазии и России - развеять миф об «оккупации» Абхазии, что невозможно сделать, если Абхазия будет оставаться в закрытом от остального мира режиме, с

другой – опасения России о снижении лояльности Абхазии в результате ее возможной деизоляции, с третьей – опасение Абхазии подвергнуть риску отношения с единственным союзником, гарантом безопасности и главным донором. Абхазское руководство, возможно, пытается уравновесить продвижение своих интересов в спорных российско-абхазских вопросах (церковный вопрос, демаркация границы в районе села Аибга, соединение Северного Кавказа с Южным через Кодорское ущелье Абхазии, вопросы собственности и т.д.) несколько нарочитой, демонстративной жесткостью в отношении западных организаций. Однако справедливое требование уважать право абхазов на самоопределение, обращенное к западным институтам, не уравновешено достаточной открытостью и усилиями по преодолению сформировавшейся в отношении Абхазии инерции. Поэтому если новые параметры отношений с международными организациями будут излишне жесткими, то вместо изменения западных подходов мы можем увидеть еще большую маргинализацию Абхазии в глазах международных институтов. Абхазскому истэблишменту, до сих пор имевшему репутацию искушенных политиков, важно соблюсти баланс, чтобы не заработать для Абхазии имидж закрытого общества и не вытеснить Абхазию из международного контекста.

Отношения с Россией

Что касается взаимоотношений Абхазии и России, то при юридическом равноправии они фактически являются асимметричными. Асимметричность задается не только разным экономическим и политическим удельным весом сторон, но и безальтернативным характером отношений в условиях отсутствия широкого международного признания.

При том, что абхазы болезненно воспринимают любые признаки какого-либо ущемления суверенитета Абхазии, Россия объективно остается более близкой к абхазам в языковом и культурном плане, чем Запад, с которым у Абхазии после развала СССР общение неизменно сводилось к обсуждению вопросов, связанных с грузино-абхазским конфликтом, в котором, к тому же, позиция Запада была изначально предвзятой. В Абхазии (да и в самой Грузии за пределами Тбилиси) не существует такого негативного восприятия России, которое распространено на Западе.

Перспектива потепления российско-грузинских отношений в связи со сменой режима в Грузии почти накануне Олимпиады в Сочи не вызывает таких острых опасений у абхазов, которые существовали до 2008 г., поскольку представляется маловероятным, что российское руководство, претендующее на возвращение России статуса сверхдержавы, отзовет признание Абхазии без существенных имиджевых потерь, в первую очередь, в глазах собственного электората. Более того, учитывая заинтересованность России в восстановлении железнодорожного сообщения с Арменией или в других возможных проектах в регионе, нельзя исключить, что в качестве поощрения Абхазия может получить признание со стороны одного из партнеров России по СНГ.

В самом абхазском обществе растет осознание того, что для сохранения суверенитета Абхазии необходимо стать дееспособным государством, и что без развития собственной экономики страна рискует превратиться в дотационный регион. В этом смысле актуальным вопросом остается трансформация характера российской помощи и переход от вкладов в инфраструктуру к инвестициям в экономику.

Темы для обсуждения:

- Каковы плюсы и минусы нынешнего внешнеполитического положения Абхазии?
- При каких обстоятельствах можно расширить признание Абхазии за счет стран СНГ?
- Окончательно ли сформирован новый грузинский подход? Будет ли в нем «окно возможностей» для Абхазии?
- Что приобретают Грузия и Абхазия от взаимного признания, и чем они рискуют?
- Новый абхазский подход к международным структурам: самоизоляция или переформатирование внешних контактов?
- Будущее Женевского процесса: два процесса (грузино-абхазский и грузино-осетинский) вместо одного?
- Можно ли обеспечить признание со стороны Европейских государств в отрыве от вопроса урегулирования конфликта?
- Что важнее в процессе признания: качество или количество?

Инал АРДЗИНБА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Социально-экономическая система Республики Абхазия и проблемы ее развития

В начале 1990-х гг. Абхазия столкнулась с известной проблемой «тройного перехода»: от советского (авторитарного) государства к демократическому, от командно-директивной системы хозяйствования к рыночной и от республики в составе другого государства к самостоятельному государству. В различных сферах комбинация трех трансформационных процессов имела существенные издержки адаптации. Проблема «тройного перехода» усугублялась разрушительной войной.

Затем последовало десятилетие экономического роста 2000-х. Это время сильно изменило страну. Некоторые проблемы в экономике и социальной сфере, унаследованные от «потерянного» периода 1990-х, были успешно решены или были созданы предпосылки для их решения.

Конечно, были допущены ошибки, грубые и опасные. Но задним числом мы все очень умны - разговоры о том, что 10 лет назад надо было все делать иначе, вести очень легко, в основном не понимая, что безошибочная социально-экономическая политика идеально ложится в формат утопии. Сейчас необходимо использовать опыт прошлых ошибок.

Представляется, что перед абхазской переходной экономикой стоят совершенно иные задачи по сравнению со многими странами переходного периода (как на территории бывшего СССР, так и в Центральной и Восточной Европе), желающими просто наладить «устойчивое» развитие. Сегодня перед Абхазией стоит задача социально-экономического рывка, и тому есть весьма объективные основания. Это благоприятные внутренние предпосылки развития – существенный экономический потенциал республики, и внешние – относительно стабильная региональная обстановка на Кавказе.

Таким образом, у Абхазии впервые за довольно длительный период времени появляется шанс на рывок, появляется объективная возможность перехода от решения антикризисных, тактических задач к формированию долгосрочных стратегических ориентиров развития.

Некоторые аспекты современного макроэкономического положения Абхазии

Расчеты для 2010 г. Управления государственной статистики Абхазии дают ясное представление о ежегодном росте номинального ВВП примерно на 30%.[1] Это довольно существенная величина, которая подтверждает экономический потенциал республики, хотя это связано с большим притоком Российских денег после признания. Но в то же время следует помнить, что это рост не реального, а номинального ВВП. После учета роста цен реальный экономический рост окажется более скромным (до 15%).

Интересно отметить, что ВВП Абхазии за 2010 г. (последние данные) составлял около 20,8 млрд. рублей РФ или

[1] Абхазия в цифрах за 2010 год. Управление государственной статистики РА. Сухум, 2011.

682 млн. долларов США (181 место в мире по рейтингу Всемирного Банка). ВВП на душу населения в 2010 г. составил около 86 тыс. рублей РФ или почти 3 тыс. долларов США (114 место, опережая Грузию – 117 место). Конечно, по всем этим показателям Абхазия находится во второй сотне среди других стран мира, но следует помнить, что по уровню экономического развития она не может быть отнесена к группе наименее развитых государств (к числу наименее развитых ООН относит 49 стран мира). Есть основания полагать, что по степени экономического развития Абхазия похожа на малые островные государства Тихого океана (Федеративные штаты Микронезии, Маршалловы Острова) и Карибского бассейна (Гренада, Сент-Винсент и Гренадины), но не имеет ничего общего с отсталыми странами Африки или другими ярко выраженными failedstates.

Рассматривая экономику любой страны, нельзя ограничиваться анализом лишь абсолютных экономических показателей (к примеру, ВВП или ВВП на душу населения). Уровень и качество жизни простых граждан прежде всего определяет институциональная конфигурация экономики. Это реальные институциональные параметры, с которыми всякий гражданин сталкивается ежедневно: уровень коррупции, количество и качество административных барьеров, степень монополизации рынков и концентрации капитала, состояние правоохранительной системы и судебной корпорации в ее составе и многое другое. Эти показатели имеют гораздо более существенное значение для реальной экономики, чем т.н. абсолютные показатели.

К сожалению, в Абхазии институты слаборазвиты. За 20 капиталистических лет в стране не удалось выстроить систему современных рыночных институтов. Есть основания полагать, что

по величине разрыва между институциональными и абсолютными показателями Абхазия является одним из лидеров в мире.

Особое внимание читателя я обратил бы на следующий тезис: в Абхазии огромное влияние на экономику оказывают неформальные институты, т.е. формально не закрепленные, устные «правила игры», своего рода экономические традиции. К большому сожалению, подавляющее большинство этих институтов оказывают негативное воздействие на экономическое развитие республики.

Приведу лишь один пример. Нередко в Абхазии до конца непонятно, кому что принадлежит. Зачастую «доля» (специальные термин, которым в республике принято обозначать право лица или лиц на участие в собственности) в каком-либо объекте базируется на добром слове и на «праве сильного», а не на формализованном и специфицированном праве владения, распоряжения и пользования имуществом. В большинстве случаев это приводит к правовой неразберихе, так как с течением времени формируются конфликты между «дольщиками» из-за отсутствия формальных прав собственности. Эти конфликты, как правило, решаются вне правового поля и за рамками судебной корпорации.

Судите сами, насколько разрушительным может быть влияние неформальных институтов на экономику.

Проблемы социально-экономического развития Абхазии и способы их решения

Развитие любой рыночной системы предопределяется присущими ей естественными характеристиками. Среди них – неотвратимость социально-экономических дисбалансов. В этом смысле Абхазия не исключение. Проблемы социально-экономического развития разной природы и степени остроты ока-

зывают негативное воздействие на уровень и качество жизни простых граждан Абхазии. Перечислим основные из них: 1) институциональная отсталость; 2) демографические дисбалансы; 3) низкий уровень инвестиционной привлекательности; 4) низкое качество правовой культуры; 5) низкий уровень развития науки и инноваций; 6) несущественная роль человеческого фактора в экономике; 7) малоразвитость финансовой системы; 8) дивергенция доходов в обществе; 9) территориальные диспропорции экономического развития; 10) существенная рыночная концентрация; 11) незначительный внутренний спрос. Разумеется, это не полный список.

Для успешного решения указанных проблем необходима эффективная структурная политика, базирующаяся на стратегии социально-экономического развития. Действительно, современное государство не может развиваться, основываясь на пустоте. Это значит, что время конъюнктурных решений, продуманных на полшага вперед, прошло.

В сегодняшнем мире у подавляющего большинства стран мира имеются стратегии или концепции социально-экономического развития, разработанные, подписанные и реализуемые на самом высоком государственном уровне. Но меня беспокоит, что львиной их доле присущи общие проблемы: эти стратегии (концепции) не предусматривают прогнозного периода, не идентифицируют конкретных проблем социально-экономического развития (борясь, таким образом, с «ветряными мельницами»), не предлагают целевых ориентиров в контексте решения данных проблем, а также механизма достижения целевых ориентиров. Многие из них напоминают главы из поверхностных учебников по мировой экономике, изобилуя тривиальными тезисами типа «Глобализация является главной тенденцией развития мировой экономики, поэтому необходимо к ней приспосабливаться».

Утвержденная Указом Президента РА №248 (23.12.2005 г.) «Концепция социально-экономического развития Республики Абхазия»[1] характеризуется всеми этими проблемами. (При этом хочу особо отметить, что в Концепции есть много здравых идей).

Таким образом, разработка действенной и реалистичной стратегии – первоочередная задача. Но даже после ее разработки существует традиционной риск того, что стратегия останется на бумаге. Какие условия необходимо выполнить для реализации долгосрочных реформ?

Для значительных успехов в процессе реализации комплексной стратегии развития необходим учет интересов «широких общественных коалиций». Мировая история реформирования социально-экономических систем дает ясное представление о том, что шансы на реализацию имеют те стратегии, которые учитывают интересы «широких общественных коалиций».

Отдельные коалиции действуют, как правило, в своих интересах (на языке микроэкономического анализа - максимизируют свою собственную полезность). В этом смысле логично предположить, что осуществление комплексных преобразований стратегии может нанести ущерб отдельным группам или принести им относительно меньшую выгоду по сравнению с альтернативными сценариями развития страны. Однако большая часть граждан, надеюсь, осознает, что страна находится на исторической развилке. Если мы пойдем по неверному пути, это приведет к издержкам для подавляющего большинства членов коалиций и для государства в целом.

[1] «Концепция социально-экономического развития Республики Абхазия». 12/08/2006. http://www.abkhaziagov.org/ru/president/activities/programms/detail.php?ID=1398

Помимо этого, реализации стратегии будет препятствовать инерция общественного сознания. Любые комплексные реформы предполагают не просто реализацию определенного набора проектов, но и «изменения в головах» - существенную трансформацию ожиданий и поведенческих установок членов общества.

Вместе с тем в современном абхазском обществе сформировался запрос на «быстрый результат». Следовательно, существует требование сиюминутной наглядной демонстрации правильности и успешности выбранного курса. Долгосрочная стратегия предполагает реализацию институциональных преобразований, результаты которых не могут стать очевидны «как солнце взойдет».

Прогноз социально-экономического развития Абхазии до 2020 г.

Перейдем к прогнозу социально-экономического развития Абхазии до 2020 г. С целью структурированного рассмотрения данной проблематики обозначу методику ее исследования: будут идентифицированы 3 основных сценария и 2 подсценария (для сценария 1) развития, а также эндогенные и экзогенные параметры для каждого конкретного сценария. Затем будет обозначен наиболее вероятный сценарий социально-экономического развития Республики.

Вначале перечислим сценарии социально-экономического развития РА до 2020 г.:

- **Сценарий 1:** «Абхазское экономическое чудо».
- **Сценарий 1.1**: «Чудо с человеческим лицом»
- **Сценарий 1.2**: «Чудо с нечеловеческим лицом».
- **Сценарий 2**: «По инерции».
- **Сценарий 3**: «Terra incognita».

На мой взгляд, это основные исторические развилки, перед которыми стоит сегодня Абхазия. Обозначим их суть по порядку:

Сценарий 1: «Абхазское экономическое чудо».

Эндогенные параметры: высокая степень сбалансированности развития национальной социально-экономической системы, существенное сокращение совокупной остроты проблем социально-экономического развития; высокоэффективное решение основных проблем социально-экономического развития; средний ежегодный темп роста реального ВВП до 2020 г. составляет не менее 8%; высококачественно скорректирована «Концепция социально-экономического развития» и обеспечен весьма эффективный механизм достижения поставленных в ней целей.

Экзогенные параметры: весьма благоприятная общемировая политико-экономическая конъюнктура; высокосбалансированное развитие политических и экономических отношений между РА и основными государствами-партнерами; экономика РФ устойчиво развивается.

Сценарий 1.1: «Чудо с человеческим лицом»

(При наличии описанных выше эндогенных и экзогенных параметров Сценария 1).

Эндогенные параметры: экономический рост всецело контролируется компетентными органами государственной власти; наукоемкие отрасли обеспечивают более 30 п.п. экономического роста; негативное антропогенное воздействие на биосферу сводится к минимуму. Человеческий фактор становится определяющим в экономике. Квинтэссенцией социально-экономического развития становится человек.

Экзогенные параметры: развивается сотрудничество в области инновационных разработок и НИОКР между РА и государствами-партнерами.

Сценарий 1.2: «Чудо с нечеловеческим лицом»

(При наличии описанных выше эндогенных и экзогенных параметров Сценария 1).

Эндогенные параметры: экономический рост слабо контролируется компетентными органами государственной власти; наукоемкие отрасли обеспечивают существенно менее 30 п.п. экономического роста; негативное антропогенное воздействие на биосферу ощутимо. Человеческий фактор не становится определяющим в экономике. Социально-экономический рост обеспечивается в значительной степени государством.

Экзогенные параметры: слабо развивается сотрудничество в области инновационных разработок и НИОКР между РА и государствами партнерами.

Сценарий 2: «Инерционное развитие»

Эндогенные параметры: средняя степень сбалансированности развития социально-экономической системы, средняя степень сокращения совокупной остроты проблем социально-экономического развития; средняя эффективность решения основных проблем социально-экономического развития; средний ежегодный темп роста реального ВВП до 2020 г. составляет от 4-7%; среднее качество скорректированной «Концепции социально-экономического развития» и средняя эффективность механизма достижения поставленных в ней целей.

Экзогенные параметры: средняя благоприятность общемировой политико-экономической конъюнктуры; средняя сбалансированность развития политических и экономических отношений между РА и основными государствами партнерами; экономика РФ развивается со средней устойчивостью.

Сценарий 3: «Terra incognita»

Эндогенные параметры: низкая степень сбалансированности развития национальной социально-экономической системы (или стагнация); несущественное снижение совокупной остроты проблем социально-экономического развития; низкоэффективное решение основных проблем социально-экономического развития; средний ежегодный темп роста реального ВВП до 2020 г. составляет менее 4%; низкое качество скорректированной «Концепции социально-экономического развития» и низкая эффективность механизма достижения поставленных в ней целей.

Экзогенные параметры: неблагоприятная общемировая политико-экономическая конъюнктура; низкая сбалансированность развития политических и экономических отношений между РА и основными государствами-партнерами; экономика РФ развивается неустойчиво.

Обозначим наиболее вероятный, как мне представляется, сценарий социально-экономического развития РА. Это сценарий 1.2 – «Чудо с нечеловеческим лицом». Данный сценарий предусматривает активное социально-экономическое развитие, но с элементами неуправляемости: последняя, вместе с накоплением формируемых ею экономических дисбалансов, может привести к перегреву экономики и существенному кризису (возможно к 2017 г.).

Основанием для реализации данного сценария выступают самые актуальные тенденции социально-экономического развития РА. Действительно, есть основания полагать, что социально-экономическая система РА будет развиваться динамично и более или менее сбалансировано. При этом уровень совокупной остроты проблем социально-экономического развития будет, скорее всего, иметь тенденцию к понижению.

Вместе с тем основные тенденции современного социально-экономического развития РА указывают на возможность реализации в ближайшем будущем высоких темпов роста реального ВВП.

До 2020 г. вероятно сохранится благоприятная общемировая политико-экономическая конъюнктура. Скорее всего т.н. «вторая волна» кризиса (при ее наступлении) будет не столь деструктивна, как первая.

При всем при этом наивно надеяться на полное отсутствие концептуальных проблем абхазского развития. Судя по всему, экономический рост будет слабо контролироваться компетентными органами государственной власти РА. Одновременно с этим наукоемкие отрасли будут обеспечивать существенно менее 30 п.п. экономического роста. Действительно, вероятность того, что человек и его интеллект окажутся в центре абхазского развития, довольно низка. По крайней мере пока не заметны системные государственные решения, которые могли бы стать базисом для выхода человеческого потенциала на авансцену социально-экономического развития республики.

Конечно, читателю может показаться, что в нашей рефлексии слишком много «скорее всего». В этом смысле уместно отметить, что погрешность нашего прогноза может быть весьма существенной, как в большинстве прогнозных выкладок.

Но для успешного развития и для решения острейших проблем и дисбалансов, мешающих национальному развитию, необходимы попытки заглянуть в будущее. Необходимо понять, какие именно политические и экономические взаимосвязи ждут страну в хотя бы недалеком будущем. Именно в этих попытках формируется стратегическое мышление и способность осуществлять не только тактические, но и стратегические маневры.

Внешнеэкономическая стратегия Абхазии

В Годовом отчете Национального Банка РА за 2009 год[1] был представлен весьма важный статистический документ, характеризующий внешнеэкономическое положение страны – платежный баланс. Сам факт появления данного документа - событие знаковое, но готовить его следует ежегодно, что позволит следить за динамикой внешнеэкономических процессов.

Платежный баланс за 2009 г. в целом позволяет определить основные тенденции внешнеэкономического положения Абхазии. Не вдаваясь в анализ деталей документа, отметим основные тезисы, которые важно выдвинуть в данном контексте.

Абхазия – чистый импортер по торговле товарами. Тенденция отрицательного сальдо баланса внешней торговли товарами для РА выглядит весьма устойчивой (сохраняется с 2000 г.) и постоянно усиливается (с 2000 г. по 2009 г. отрицательное сальдо увеличилось на 4793%). Это обстоятельство является, несомненно, негативным для РА. Во-первых, страна становится зависимой от внешних поставок, во-вторых, теряет деньги, оплачивая импортную продукцию, что в условиях отсутствия национальной валюты может иметь весьма деструктивные последствия.

Заметим, что структура товарного экспорта РА весьма гротескна. Абхазия экспортирует, в основном, цитрусовые, орехфундук, рыбу. Импортирует промышленные товары, бензин, табачные изделия.

Вместе с тем платежный баланс дает ясное представление о том, что РА – чистый экспортер по торговле услугами. Объем экспорта устойчиво превосходит объем импорта. Данное

[1] Годовой отчет Национального банка Республики Абхазия (Банка Абхазии). Национальный Банк РА, 22 марта 2010 г., режим доступа: http://www.nb-ra.org/ru/pdfdoc/ReportBA/2010/01.01.2010.pdf

обстоятельство формируется во многом за счет туристических услуг (экспортоподобная операция), государственных и частных трансфертных платежей и инвестиций, являясь весьма благоприятным для развития экономики в контексте ее обеспечения платежными средствами.

В целом сальдо платежного баланса РА является положительным. Это означает, что в РА ввозится больше денежных средств, чем вывозится. Данное обстоятельство выступает источником средств для национальной экономики, который необходимо всячески стимулировать – главным образом посредством сильной экспортной ориентации экономического роста.

На мой взгляд, такая маленькая страна как РА (супротив, к примеру, РФ) не может развиваться без активной интеграции в международную экономическую систему (в силу скромного внутреннего спроса и, как следствие, скромного внутреннего рынка). Следовательно, РА должна существенным образом приобщиться к мировым экономическим процессам. Мне это видится следующим образом: максимой геоэкономической стратегии РА должны стать меры, направленные на участие республики в мировых цепочках создания стоимости (на включение в мир в качестве частичного кооперанта). Для этого в будущем необходимо отказаться от ставки на экспорт конечных систем.

Вместе с тем представляется, что РА должна укреплять экономические отношения с уже устоявшимися партнерами, прежде всего Россией. Полагаю, что нужно искать цивилизованную и взаимовыгодную формулу экономического сотрудничества между двумя странами. Если это удастся сделать, то Москва и Сухум сыграют в большую игру, которая принесет обеим странам значительные экономические, а также между-

народно-политические дивиденды. В этом случае ось Москва-Сухум может стать важным конъюнктурообразующим фактором в Кавказском регионе.

Темы для обсуждения:

- Необходимость разработки концепции долгосрочного социально-экономического развития Абхазии (и возможности реализации основанной на ней стратегии): можно ли применить российский опыт широкой общественной экспертизы в республике?
- Степень интеграции Абхазии в мировую экономику: как международные финансово-экономические дисбалансы влияют на положение национальной экономики молодой республики?
- Проблемы развития системы государственной статистики в Абхазии: в какой степени можно опираться на результаты работы национального статистического ведомства республики в процессе принятия решений на уровне государственной экономической политики?
- Институциональные особенности и проблемы абхазского развития: Абхазия – страна неформальных институтов?
- Внешнеэкономическая стратегия Абхазии: как успешно включиться в мировую экономику? На какие товары и услуги делать ставку?
- Экономика Абхазии к 2020 году: удастся ли республике усилить роль человеческого фактора в экономике?

СОДЕРЖАНИЕ

Лиана КВАРЧЕЛИЯ. Введение.....5

Арда ИНАЛ-ИПА. Демократизация и управление.....8

Нателла АКАБА. Строительство нации.....22

Лиана КВАРЧЕЛИЯ. Конфликты и отношения

с внешним миром.....…….....32

Инал АРДЗИНБА. Социально-экономическое развитие..... 43

АБХАЗИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ:

государство, политика, экономика, общество

Верстка: Картозия Н.

Формат 60х84/8. Тираж 150 экз. Физ. печ. л. 8. Ус. печ. л. 7,44. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Отпечатано в издательстве «АЛПХА» Центра Гуманитарных программ.
Сухум. ул. Генерала Дбар, 36